

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Большая семья была у Якова Васильевича Синицына. Свекровь, принимая седьмого новорожденного, покачала головой:

— Ну и плодлива...

Сноха Дарья зло посмотрела из-под полузакрытых век и отвернулась. А Яков Васильевич, придавая голосу бодрость, произнес:

— Под старость кормить будет кому.

— Их выкорми спервоначалу, а после увидим, — с тяжелым вздохом бросила мать.

Как-никак, а народила Дарья одиннадцать человек. Тут уж Яков Васильевич затужил. Да на счастье последние родились слабенькими и, дождавшись одиннадцатого, словно по сговору, начали один за другим отдавать богу душу; только четверо первых остались жить, так лесенкой и росли.

На исповеди поп, благословляя Якова Васильевича размашистыми крестами, посоветовал:

— Радуйся, чадо, что господь подобрал экое полчище. Покаялся Яков Васильевич, поцеловал пастырю руку

за отпущение грехов и решил не унывать, а оберуч взяться за работу и вырастить детей не хуже других.

«Слава богу, что избу добротную оставил в наследство дед, не под открытым небом живем», — думал он.

И впрямь неплохая изба досталась ему — окна со ставнями. Крытый двор. Амбар и конюшни сделаны по-хозяйски, с крепкими запорами.

Нередко Яков Васильевич, подметая двор, находил то полусгнившую узду, то обрывок кнута, то подкову. Он долго рассматривал их, очищал от присохшей грязи, а потом со вздохом складывал в угол, где лежали сломанная дуга, половина оглобли и колесо с двумя спицами. По этим остаткам можно было судить, что у деда имелось кое-какое хозяйство. Все пропил отец, не сберег сыну ни зерна ни крупиночки.

Тоскливо было Якову Васильевичу в пустом дворе, но не сетовал он на отца, а жалел. Тяжким недугом считал его запой и до конца дней своих не мог забыть, как в избу втащили замерзшего родителя.

Три дня голосила мать, а после похорон сказала:

— Ну, Яшенька, дитятко, ты тепереча сам большой сам маленький. Думай, как жить-то станем? Худой был хозяин, а без хлеба и картошки не сживали.

Яшке всего-то четырнадцать годов. Запечалился парень, загоревал. Зима стояла лютая, а у них ни в себе, ни на себе. Однако на шахту идти он и думать не хотел, до слез воспротивился, когда выхлопотали ему работенку друзьям отцовские. Знал парнишка с малых лет, как выматывала силы шахтерская жизнь, как заливали рабочие эту тяжесть непосильную в кабаке, без жалости пропивая свои гроши.

Может, и сломила бы Яшкино упрямство нужда лихая, да сбегал он на земскую — догадался; взяли его туда подменным ямщиком. Невелик заработок, зато свободен подменный как птица.

Не заставлялись на ямской лошади, не засиживались ямщики. А уж вырвутся кони со станции и поминай как звали — навстречу степь необъятная, лес густой да поля широкие.

За нрав обходительный и веселый не задержался парень в подменных; году не прошло, как перевели его в ямщики.

Люди поговаривали: «Легкая работенка выпала на Яшкину долю». Да как сказать? Бывало, в мороз трескучий, в полночь, за полночь едет он с седоком, а вокруг только шелк да треск стоит — лес, засыпанный снегом, заиндеветший, будто раскалывается. А вылетят кони в степь безлесную — и еще того хуже! Ветер начнет ходуном ходить под рваным полушубком, и парень без малого примерзает к облучку, а сзади того и жди тычок в спину или окрик: «Плохо гонишь!»

Натянет Яшка ушанку до самых глаз, завяжет потуже опояску и поддаст лошадям страху, со свистом раскручивая в воздухе кнут, гикая звонким мальчишеским голосом, приотпывая окоченевшими ногами.

Понесутся кони, зазвонят веселей бубенцы. Седок доволен, спрячет нос в енотовый или лисий воротник, прищулив глаза от снежной пыли.

Любят проезжие расторопных да удалых возниц. Иной раз зуб на зуб не попадает у Яшки от этой удали, а что поделаешь? За такое ухарство баре чаевые дают. Идет он, бывало, от ямской, перебирает в кармане монеты до самого дома и думает: «Лошадок бы пару своих!.. Гоньбу бы открыть... Каждая копейка в свой бы карман...» Думушка эта бередила сердце, занозой впилась, не вытащишь!

Двадцать восьмой год доживал Яков, а про женитьбу и словом не обмолвился. Мать терпела, терпела, да вдруг затревожилась, запричитала:

— Не старым ли парнем вековать надумал? Али роду Синицыных на тебе конец?

Сначала сын отмахивался смущенно, думал: обойдется. Но мать не отступала:

— Неуж не понянчу я внучат родных?.. Помру, как один-то доживать станешь?

2

Все это, казалось, недавно было; и Яшкой-то его называли будто вчера, а вот сегодня он уже Яков Васильевич, и семьи вон полное застолье. Все бы ничего, да жена досталась Якову Синицыну неуживчивая, сварливая. Да что теперь говорить — жена не лапоть, с ноги не скинешь. Старуха-мать иной раз попрекала:

— Поране жениться-то надобно было. Перестарки-то, они ведь злыдни.

Он помалкивал. Знал, что виноват — все сроки пропустил. Помнил, как совались сваты к молоденьким, едва заневестившимся девкам, но всюду поворот от ворот. Коли бы завидным женихом считался Синицын, а то какая выгода за голь перекадную, да еще за старого парня отдавать?

Покрякивал Яков Васильевич, чесал затылок. Однако чеши не чеши, а заботы в воз не складешь. Семья немалая — сам-седьмой. Старшему, Максe, двенадцатый год, а Петюшке скоро десять исполнится.

По характеру неодинаковыми росли сыновья. Максим, рыжий, с черными острыми глазами, был пакостлив и увертлив; Петюшка — кроткий и добрый.

Тревожили Якова Васильевича и дочери: гляди так и заневестятся, а при такой нужде не просто сыскать женихов. Вот если бы сыновей определить на работу, все же помощь — а куда? И думушка несбывшаяся снова и снова скребла, не давала покоя ни днем, ни ночью: когда как не сейчас нужна пара лошадей? И всякий раз в душу забирался страх, по телу пробегала судорога, и перед глазами вставали шахтеры с темными худыми лицами. Нет, никогда не забыть того утра. В ушах явственно слышатся шаркающие неровные шаги в сениях... Мать открыла дверь и, пятась в испуге, побелела. Потом дико закричала, когда на лавку положили скорчившегося отца с засунутыми под пазухи руками.

В ту пору четырнадцатилетний Яшка впервые испытал животный страх; ему казалось, что он слышит, как поднимается каждый волосок на голове.

«Господи, спаси и оборони... За что ты наказуешь меня таким испытанием, али я грешнее всех?» — торопливо крестился Яков Васильевич. Это воспоминание еще сильнее утверждало мысль, что нужно скопить денег. Он нередко говорил своему младшему сыну:

— Как бы нам с тобой изловчиться, коней-то бы завести? А?

Сын, уставившись большими синими глазами на отца, предлагал:

— Может, мне что помогчи тебе?

Яков Васильевич улыбался и, поглаживая Петюшку по волнистым черным волосам, произносил:

— Вот обожди чуток, купим лошадок и станете вы с Максеeй сeдоков развозить... Коней бы только!

Время шло, а с ним в ногу шла и нужда. Чем старше становились дети, тем сильнее ощущались нехватки и недостатки в синицынской семье.

Дарья с каждым годом становилась злее. Не шутка прожить до тридцати лет в довольстве, а потом сесть без малого на сухую корку. Грызла она локоть, что долго брезговала женихами — тот плох, этот не хорош... да ведь окоротишь, так не воротишь... А после, как за двадцать-то перевалило, никто и заглядывать не стал. Завздохала она тогда, заохала. На улицу совестилась показаться, а за Якова все равно пошла силком.

Родители крестились руками-ногами от радости, сбывая засидевшуюся девку. Уговаривали да приговаривали:

— Норовом-то ты чисто собака, а он тихой. Вот и выходит: два сапога пара. Ты пролаешься, он отмолчится, как в саду отсидится.

Вся-то радость у Дарьи сейчас — Максим; другой раз сама не съест, ему отдаст. Зато Петюшку видеть не могла она с того дня, как поняла, что все в нем синицынское. Так бы вот и хлестала его каждочасно!

Нередко выла Дарья, обхватив голову руками:

— Какая я разнесчастная-а-а! Духом не ведала, что придется жить мне в такой нужде-е-е! И все терпи из-за постылого мужика-а!

Свекровь однажды не выдержала и прикрикнула на сноху:

— Не голоси-ко попусту-то... Кабы не Яков, была бы ты христовой невестой... Старе его на два года, посовестились бы выть-то!

Дарья побелела от злобы, заносилась по избе, подвернувшегося Петюшку избила, приговаривая:

— Синицынское отродье!

— Будя грешить-то! — свекровь вскочила, вырвала ремень. — Жалко, мужик попался смиренной — бить бы тебя! Ишь, исполосовала дитя родное.

— Ваш он! Синицынской!

Старуха, прижимая к себе внука, оторопело забормотала:

— Али не ты его родила? Откудова взялась ты такая?.. Бога не боишься... Мать пресвятая богородица, владычица!

Вразуми ты рабу непокорную; ведь дня не пройдет, чтобы не грешила, господи! От сына родного отказывается!

Дарья кинулась из избы и хлопнула дверь. Петюшка успокаивающе прошептал:

— Не реви, баушка. Мне, ей-богу, не больно...

— Не больно? — высовывая голову с печки, спросил с издевкой Максим. — Давай я тебе прибавлю!

Видно, материна породушка и мастью и нутром!

А Яков Васильевич и не ведал, что столь худо в семье его: где там знать, коли жизнь чуть не вся проходила в разъездах! Старуха-мать помалкивала и младшему внуку строго-настрого приказала не жаловаться:

— Разбередишь сердце-то ни к чему. Вот ужо купит лошадушек, полегчает.

— Баушка, а я пойду на шахту робить, а? Тяте маленько помогчи надо, а?

— Даже думать не мочи! Христос с тобой! — старуха замахала руками.

Максим, подслушавший разговор, пересказал его матери. Дарью словно подменили — подобрела, напустила печаль на лицо и такая стала, какой отроду не была. Разговор начала исподволь, за обедом:

— Девки! В няньки бы вас отдать куда.

Дочери переглянулись и заревели в голос.

— Да ну полно, полно. Может, Максю куда определить пока, либо Петюшку...

— Что это ты придумала? — насторожилась свекровь.

— Да как же, мамонька, не придумывать — семья ведь. Намедни дядя Митрей баял: давай парней-то твоих пристрою на шахту. Под моим присмотром, говорит, будут.

Старуха с трудом передохнула и смотрела на улыбавшиеся тонкие, будто две ниточки, бескровные губы снохи.

— Вон к чему подвела... — надсадно вымолвила свекровь. — Ни единому твоему доброму слову веры не даю! На погибель хочешь толкать? Не дам я Петеньку!

— Ох вы, постылые! — Дарья рванулась из-за стола. — Мой сын; что задумаю, то и сделаю! Слушай вас, так с голоду подохнешь. Завтра поведу Петьку на шахту!

— Не трожь! Не дам! — старуха вскочила и протянула было руки к внуку да и повалилась замертво.

Притихла Дарья, пока снаряжала и провожала в последний путь свекровь свою.

А Яков Васильевич спустя два дня после похорон впервые за сорок два года жизни зашел в кабак. Петюшка еле отыскал отца. Медленно шагал Яков Васильевич отяжелевшими ногами рядом с сыном. Полдороги они плелись молча. Петюшка искоса поглядывал на отца, на его сведенные к переносью лохматые брови, на растрепанную, спутанную бороду с застрявшими крошками.

— Оно, конечно, нелегко привыкнуть жить впроголодь, — забормотал Яков Васильевич. — Где уж ей... мельникова дочь... пшеничники до отвалу ели... — Он остановился, повернулся к Петюшке. — Так ведь... детеныши из одной утробы!.. Мать ведь она!.. Вот пять перстов — и кой ни укуси, тот и больно... — Он поднял растопыренную руку. Мальчик видел, как дрожали у него пальцы, как дергались губы под густыми усами. — Не одного поля ягода — тут и вся загвоздка... Я вот всю жизнь недоедаю, да не зверею!.. И Максю волчонком растит, потекает ему... я все вижу... только смиренной я — вот беда... но я ее поучу. Ты ступай куда-нибудь, слышь? Я велю. Иди! — Яков Васильевич подтолкнул сына, а сам направился к избе.

Дома он крепко избил жену, так крепко, что она пластом лежала целую неделю, не жалуясь и не охая. Досталось и Максе, восставшему за мать.

Утром другого дня Яков Васильевич проснулся рано. Болела голова. В избе было тихо. В оконные стекла барабанил дождь.

— Вот и следы твои замыло, мамонька, — тоскливо прошептал мужик. Он осторожно поднялся, выпил ковш воды и стал одеваться. Петюшка проснулся.

— Тятя! Ты куда? — спросил он.

— К баушке на могилку.

— Я с тобой.

— Молчи. Дождь на улице-то. Ведро будет и сходишь. Петюшка уткнулся в отцовскую руку и неслышно заревел.

— Ну, ну... полно-ко, что уж...

На улице грязь непролазная. Еле вытаскивая ноги, Яков Васильевич добрался до свежего обмытого дождем глинистого холма.

На востоке показалась полоска света — яркая, голубая. Яков Васильевич снял картуз, помолился. Затем нарвал травы, положил ее около могилы и опустился на колени.

Опершись руками о могильный бугор, он прошептал:

— Клянусь тебе, мамонька, что больше в рот не возьму винного зелья.

Уронил голову на могилу и зарыдал.

5

Чуть не все подкопленные деньги были истрачены на похороны, хотя Яков Васильевич и сам гроб сделал, и сам могилу выкопал. Ввели в расход отпевание да поминальный обед.

Когда не было в избе матери, Петюшка толкался из угла в угол. Но она редко уходила, и парнишка сидел за печкой, глотая тоскливые слезы. Девки с Максеем и те притихли. Младшему сыну иной раз казалось, что мать тоже тоскует о бабушке, и ему тогда хотелось подойти и сестрь рядом. Однажды он направился к ней, но мать так посмотрела, что мальчик застыл на полдороге.

Мертвящая тишина давила, точно перед грозой, когда небо заволакивают, медленно подбираясь одна к другой, густые черные тучи; вокруг становится тихо, не слышно даже шелеста листьев; но вот проносится легкий ветерок — и тотчас же раздается гром, словно сгустившаяся, нависшая над землей масса рушится в бездну.

Возвращаясь домой из поездок, Яков Васильевич с опаской поглядывал на окна, а войдя в избу, быстро оглядывался.

Петюшка радостно улыбался ему из угла. Девки с Максеем высовывали головы из-за деревянной перегородки, пристроенной к печке.

Отец, затаенно вздыхая, раздевался и, умывшись, шел к столу.

Дарья, не поворачивая головы, гремела заслонкой, ставила на стол еду.

Ребята гуськом, без зова, подходили, садились вокруг, каждый на свое место.

Яков Васильевич устраивался с краю, спиной к окну. Сзади по стеклам шуршал отмирающей листвой тополь. После того как не стало матери, Якову Васильевичу невозможно было слышать этот шорох. Тополь — свидетель всей его жизни.

— Тятя! — сказал однажды Петюшка, — тополь-то как шумит, ровно погреться просится.

Отец застыл с куском хлеба у рта. А Петюшка, положив облизанную ложку на стол, добавил совсем тихо:

— Баушке-то, наверно, шибко студено там...

— Не молол бы, что не след дак! — крикнула Дарья и, тут же осекшись, посмотрела маленькими, бесцветными глазами на мужа.

Девки и Макся вздрогнули и тоже уставились на отца. Лишь младший испуганно взглянул на мать и сжался.

Яков Васильевич даже не поднял головы; задумчиво терев бровь, потом провел шершавой ладонью по волосам младшего, встал, помолился и забрался на полати. Долго лежал он с закрытыми глазами, слушал, как в горнице шептались девки, как Дарья выходила из избы и заходила обратно, как Макся сказал шепотом:

— Я вот тебе залеплю дак!

Яков Васильевич кашлянул, внизу все стихло. Черные сумерки заволокли окна. Заскрипел приступок, потом крайняя доска полатей, и рядом примостился Петюшка, затих. Вскоре раздалось его ровное посапывание.

Отец улыбнулся, но тотчас же что-то горестное подкатило к горлу, защекотало в носу. «Ох, нет ведь семьи-то! Дружбы-то нет... кто куда тянет», — подумал он. Не первый раз вспомнил, что женился в угоду матери, а в ум взял: «Жена не помеха, а утеха». Вот тебе и утеха!

Спина онемела. Яков Васильевич повернулся на правый бок. Думы одна за другой тревожили сердце. Так он и проворочался в эту ночь без сна. Что только не приходило в голову! И кони-то ему представлялись в своем дворе, и деньги-то скопленные пересчитывал. Каялся он, что не послушал матери, а она говорила не однажды: «Сгубит Дарья семью, коли не возьмешь ее в ежовые рукавицы... Ребят учат, когда они поперек лавки лежат, а лягут повдоль — поздно будет». Понадеялся Яков Васильевич на авось, вот и вышло ни шест ни весло.

6

Прошло сорок дней после смерти свекрови. Как полагалось, Дарья справила поминки: все сусеки заскребла, да напекла пирогов. Сходила в церковь — отслужила панихи-

ду. Нищим подала за упокой души рабы Маланьи; кто пришел домой помянуть старуху, напоила чаем.

Соседи, швыряя горячий кипяток с травяной заваркой, исподтишка приглядывались и терялись в догадках. Невелик заводской поселок, здесь жизнь каждого как на ладони друг у друга; и синецынскую сноху так поносили за ее характер, что и в щипок крошить не оставалось. А тут, гляди-ка, баба как баба. Все у нее по закону, по порядку. Ребятишки сидят за столом, без обиды, как равные, причесанные, приглаженные.

«Нет, здесь не без греха, — думали более наблюдательные. — Петька без страха на мать-то и не взглянет. А мужик так и глаз на нее не поднимает».

А третьи решали: «Напраслину не станут на человека возводить — разве маненько приплетут. Видать ведь! Хоть по Максе суди, либо по девкам — они только и похожи на родных, а младший — будто пасынок. Что ни говори, а народ не зря придумал пословицу: «Милое дитя двух маток сосет, а постылое одной не видит».

Под чаек да под даровые пироги соседи мысленно разбирали по всем статьям синецынскую семью. Однако уходя каждый усердно благодарил и восхвалял хозяйку за почитание родителей.

Яков Васильевич вышел во двор. Дарья, оставшись одна, взъелась на весь свет; ребята запрятались кто куда.

— Чисто волки голодные накинудись, будто век не ели, все сжорали! — вытирая злые слезы, говорила она.

Вечером отец, лежа с Петюшкой на полатях, тихонько сказал ему на ухо:

— Утре я уеду; может, на неделю, а то и надольше... Ты бы походил по людям. Может, работенка какая подвернется. Ты вон сколь велик вымахал, скоро меня догонишь; помогать отцу-то пора... — Яков Васильевич замаялся и, чуть повременив, повторил: — Пора помогать... Оно, конечно, Максю бы надобно допреж тебя на работу... Да сам видишь...

— Тять, я пойду, я. А Максю после, вот жоней купишь... а то мамонька поднимется, — торопливо зашептал Петюшка.

— Вот то-то!.. Смотри, за тяжелую работу не берись.

Утром еще затемно Яков Васильевич вышел со двора вместе с сыном, показал несколько изб, где можно поспрашивать работу, а сам отправился на земскую.